

Голгофа женщины

Автор:

[Вера Крыжановская-Рочестер](#)

Голгофа женщины

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер

Великие романистки XIX века

Ксения – скромная сирота из Москвы. Такие неприметные девушки редко выходят замуж. Однако Ксения становится супругой состоятельного петербуржца Ивана – неожиданно и для себя самой, и для его родни. О нем мечтали все красавицы высшего света. Но образ принца оказывается лишь маской, за которой прячется беспутный повеса и любитель азартных игр. Да и семья Ивана не жалуется невестку. Постоянные скандалы омрачают жизнь Ксении. Лишь забота и поддержка Ричарда, сводного брата мужа, скрашивают ее дни. Кем станет для нее этот мужчина?

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер

Голгофа женщины

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Тим+, художественное оформление, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

* * *

Глава I

Стоял холодный и пасмурный сентябрьский день 190... года. Хоть и было еще только пять с половиной часов пополудни, сумерки уже сгустились над громадной столицей России. Мелкий частый дождь бил в лица прохожих, обильно смачивая мостовую и панели. Густой влажный туман поднимался над Невой, мощно катившей свои серые волны в русле, заключенном в гранитные набережные.

Во втором этаже большого и прекрасного дома на Английской набережной сидели в гостиной три дамы и маленькая шестилетняя девочка.

Одной из этих дам исполнилось уже семьдесят лет, но она была еще так бодрa и крепка, что ей нельзя было дать более пятидесяти. Эта худощавая женщина, одетая в черное платье, вышивала в пальцах гобелен, предназначенный для церкви. В этой работе ей помогала дочь, женщина лет пятидесяти, худая и суровая, как мать. На бледном желтоватом лице ее с резкими чертами – орлиным носом и тонкими губами – сохранялось злое и упрямое выражение.

Первую звали Марией Николаевной Антоновской. Она была вдова одного из высших сановников железнодорожной администрации. Дочь ее, Клеопатра Андреевна, тоже была вдова – генерала Герувиля.

Бледный полусвет, воцарившийся постепенно в гостиной, принудил обеих дам бросить вышивание, а третью, читавшую у окна роман Золя, закрыть книгу. Одна только девочка продолжала шумно играть с большой прелестной куклой: она то катала ее в маленькой тележке, то расчесывала ей голову, беспощадно вырывая волосы.

– Меня начинает беспокоить молчание Жана: вот уж три недели, как он не пишет мне ни слова. Не заболел ли он? – сказала Клеопатра Андреевна, прерывая молчание.

– Болен? Полно вам, тетя, беспокоиться из-за пустяков! Вероятнее всего, он совершает разные глупости и поглощен какой-нибудь любовной интрижкой. Вы сами хорошо знаете, как он легко воспламеняется и как ленив на письма, – заметила молодая женщина, ранее читавшая у окна.

Это была довольно красивая двадцатипятилетняя особа, очень нарядная, кокетливая и весьма жеманная.

– Право, Юлия, меня очень удивляет, что ты так несправедлива к своему кузену. Жан не виноват в том, что он красив и женщины льнут к нему, как мухи к меду. Он слишком умен, чтобы думать о пустяках, когда дело идет о такой важной вещи, как брак с Никифоровой, имеющей более миллиона приданого, – тут же ответила ей бабушка со смешанным выражением гордости и недовольства в голосе.

– Тем более что Жан, слава Богу, пресыщен всевозможными любовными интригами. В конце концов, я думаю, он не хочет писать, пока дело не будет окончательно решено. Может быть, он сразу объявит нам о своем обручении, – прибавила Клеопатра Андреевна. – И если дело это устроится, в чем я, впрочем, не сомневаюсь, я воображаю, как мой бедный мальчик будет счастлив избавиться, наконец, от заботы брата. Опекунство Ричарда – вещь очень тяжелая: со своей буржуазной мелочной бережливостью он положительно может довести до отчаяния человека с утонченными чувствами.

– Это правда! Иногда он бывает возмутительно груб. Третьего дня у меня с ним была сцена, о которой я и сейчас не могу хладнокровно вспомнить! – воскликнула Юлия. Щеки ее пылали, а руки теребили и в конце концов бросили книгу на стол.

– Какими же любезностями он угостил тебя, если ты так волнуешься при одном воспоминании о них? – спросила Мария Николаевна.

– У меня была Иванова со своей маленькой Лизой, когда пришел Ричард и принес обещанную книгу. Чтобы объяснить дальнейшее, я должна прибавить, что на

Ивановой, только что возвратившейся из-за границы, был великолепный костюм, а на Лизе красовалась парижская шляпа – верх совершенства. Вы сами знаете, как моя Анастаси развита не по летам и как с первого же взгляда она понимает все дорогое и изящное. Представьте себе, малышка отлично оценила шик и оригинальность шляпы Лизы и, как только Иванова уехала, стала умолять меня купить ей такую же. Сначала я отказала, поскольку у нее уже есть две шляпы. Тогда своевольная девочка стала плакать, топтать ногой и требовать шляпу, объявив, что изорвет в клочья обе другие. Видя возбуждение ребенка и боясь, как бы сильное раздражение не повредило ее нежному организму, я пообещала ей заказать такую же шляпу, как у Лизы. Ричард молча слушал наш разговор, а потом неожиданно сказал: «С вашей стороны, Юлия Павловна, очень опасно потакать таким расточительным вкусам дочери. Кто знает, что готовит ей будущее? Может быть, ей предстоит скромная жизнь, многочисленные лишения и необходимость трудиться, так как у нее нет никакого состояния. Вы должны были бы с детства готовить ее к таким случайностям». Вы понимаете, бабушка, и вы, тетя, как я была возмущена таким любезным гороскопом...

– Ты должна была бы ответить ему, что она получит в наследство мои бриллианты и что с такой наружностью не доходят до лишений нищенской жизни. У Анастаси, конечно же, не будет недостатка в претендентах.

– Я именно это и высказала ему. Но эта глупая девочка, голова которой еще полна балетом «Сендрилиона», догадалась перебить меня, объявив, что хочет быть балетной танцовщицей – чтобы получать букеты и аплодисменты публики. Ричард не упустил такого удобного случая уколоть мое самолюбие. Он громко расхохотался: «Вот это будет вероятней, чем сделаться великосветской дамой. Во всяком случае, карьера танцовщицы вполне подходит к характеру и вкусам девочки, из которой вы готовы сделать настоящего демона тщеславия и кокетства».

– Какая грубость! И все это из-за того, что ребенку захотелось иметь шляпу, за которую, кстати, не ему придется платить, – с презрением вскричала генеральша Герувиль.

В эту минуту вошел лакей и подал ей на маленьком подносе телеграмму.

Клеопатра Андреевна обменялась многозначительным и самодовольным взглядом с матерью и племянницей и поспешно вскрыла депешу. Но едва она пробежала ее глазами, как бессильно откинулась на спинку кресла. С ней

сделался такой сильный припадок удушья, что она не могла даже вскрикнуть. Лицо ее покрылось красными пятнами, и она так сильно замахала обеими руками, как будто отбивалась от целой дюжины нападающих.

– Господи Иисусе! Какое ужасное известие так страшно взволновало ее? Что такое случилось? – вскричали почти одновременно обе дамы, бросаясь к Клеопатре Андреевне, которая, казалось, умирала.

Наконец, после множества отчаянных усилий отдышаться и заговорить, генеральша вскричала хриплым голосом:

– Жан!.. Жан!..

– Жан умер?! – вскричала бабушка.

– Убит на дуэли?! – прибавила Юлия, падая в кресло.

В эту минуту Клеопатра Андреевна вскочила, подобно фурии и, потрясая кулаками, воскликнула пронзительным голосом:

– О! Если бы только умер!.. Он женился, слышите вы, женился на ничтожной девушке, на нищей... О, нет! Этого я не переживу! О, я не могу перенести этого!..

В истерике она стала бегать по гостиной, рвать на себе воротник и кружевную косынку... Затем бросилась на пол и стала биться головой о стену, испуская пронзительные крики, перемежаемые рыданиями, и с силой отталкивая мать и племянницу, которые сначала бегали за ней по всей комнате, а теперь старались удержать ее от покушения на самоубийство, внушенное Клеопатре Андреевне ее безмерным горем.

В гостиной царил невообразимый шум: маленькая Анастаси пронзительными рыданиями аккомпанировала крикам матери, тетки и бабушки.

В эту минуту на пороге гостиной появился мужчина лет тридцати пяти, который тут же удивленно остановился. При виде генеральши Герувиль, сидевшей на полу и бесновавшейся, подобно сумасшедшей, растрепанной Марии Николаевны

и всей этой смешной и крайне комичной сцены им вдруг овладело неудержимое желание рассмеяться. Однако, подавив свою веселость, он громко спросил, стараясь перекрыть царивший в комнате шум:

– Что здесь творится? Вы больны, матушка, или случилось какое-нибудь несчастье?

Глаза всех обратились к двери, и три голоса одновременно вскричали с различными оттенками гнева и отчаяния:

– Жан женился!!!

– Но ведь он для этого и поехал в Москву! Я не понимаю, каким образом известие об этом могло вызвать подобную сцену.

– Да, он поехал в Москву, чтобы жениться на Никифоровой, у которой больше миллиона приданого, а не на нищей авантюристке, которая, Бог знает каким колдовством овладела им. Кто такая эта Ксения Торопова, на которой женился этот безмозглый дурак?! – вне себя вскричала Клеопатра Андреевна.

– Как можете вы, не узнав своей невестки, так осуждать и оскорблять ее? – неодобрительно промолвил молодой человек.

Он подошел к генеральше Герувиль, заставил ее подняться с пола и продолжал:

– Если Жан женился по любви, как вы можете упрекать его за это? Вместо того чтобы молиться за него в такую важную для него минуту и умолять Господа, чтобы его молодая жена сделалась его добрым гением, вы почти проклинаете его. Как вам не стыдно, матушка! И вы еще называете себя христианкой, бегаете по церквам и не пропускаете ни одной воскресной обедни!

Темный румянец залил лицо Клеопатры Андреевны. Вскочив с кресла, на которое ее усадил пасынок, она гневно ответила ему хриплым голосом:

– Избавь меня, Ричард, от твоих смешных замечаний! У тебя карманы набиты золотом, поэтому ты можешь позволить себе любовную идиллию; но для Жана судьба была злой мачехой, и он должен создать себе независимое положение.

И когда я только подумаю, что такой человек, как он, так богато одаренный, прекрасный, как Антиной, как сам Гелиос, имевший право рассчитывать на самый блестящий союз, гибнет жертвой презренной интриганки, я готова умереть от горя...

Конвульсивные рыдания помешали ей говорить далее.

Ричарда, по-видимому, нисколько не тронули слезы мачехи. Насмешливая и презрительная улыбка блуждала на его губах, когда он ответил:

– По-вашему, человек, если он красив, должен продавать себя с аукционного торга. Я не стану оспаривать вашего мнения, но только замечу, что Жану двадцать семь лет и что он сам отвечает за свои поступки. Если же в только что заключенном браке и можно кого-нибудь пожалеть, так это бедную девушку, которая до того была ослеплена олимпийской красотой моего братца, что решилась выйти за него замуж. Далекое не счастье быть женой Гелиоса, такого губителя женщин, как наш дон Жуан, который сверх всего прочего игрок и расточитель.

– Ах, Ричард Федорович! Если бы кто-нибудь из посторонних мог слышать те лестные вещи, коими вы наделяете ваших близких, он подумал бы, конечно, что ваше семейство состоит из негодяев, – с живостью перебила молодого человека Юлия Павловна.

– Да, это совершенно в вашем духе: осыпать оскорблениями и клеветой своего брата и заступаться за неизвестную авантюристку, – прибавила, дрожа от гнева, Мария Николаевна.

Что же касается Клеопатры Андреевны, то она просто онемела от ярости.

Ричард не обратил никакого внимания на такие неодобрительные выражения. Он поднял телеграмму и прочел ее, бросив предварительно на девочку, собиравшуюся было прибавить что-то к тираде старших, взгляд, которого достаточно было, чтобы заставить ее замолчать. Затем, положив депешу на стол, он равнодушно сказал:

– Иван желает первое время жить на своей даче на Крестовском острове и просит вас приготовить все для приема его жены. Вам необходимо завтра же

съездить туда, так как в вашем распоряжении слишком мало времени.

– Не желаешь ли ты предписать мне все подробности приема, какой я должна оказать этой негодяйке? – проговорила генеральша с пылающим взором.

– Нет, я предпочитаю отправиться обедать к Кюба и не мешать вашим причитаниям. Имею честь кланяться, милостивые государыни! Надеюсь, что завтра увижу вас более спокойными.

И не дожидаясь ответа, молодой человек повернулся и вышел из гостиной.

Здесь мы считаем уместным дать читателю некоторые сведения о героях нашего рассказа.

Герувилли были потомками одного французского эмигранта, бежавшего во время революции и нашедшего убежище в России. Рыцарь Робер де Герувиль был младшим членом семейства. Один из его родственников, женившийся и осевший в России, принял его и представил ко двору. Будучи очень красивым юношей и обладая тонким и предприимчивым умом, Робер сумел проложить себе дорогу и приобрел покровителей среди сановников и дам, имевших влияние при дворе Екатерины II. За несколько оказанных услуг императрица щедро наградила его. Одним словом, он так хорошо акклиматизировался, что не пожелал вернуться во Францию во время Реставрации и основательно осел в России, к концу жизни окончательно обрусев.

Сын его Павел и внук Федор избрали военную карьеру и от своего французского происхождения сохранили только фамилию и католичество, которое исповедовал генерал Федор Герувиль, отец наших героев, Ричарда и Ивана.

Будучи еще капитаном, Федор, стоявший тогда с полком на Волыни, женился на дочери и единственной наследнице графа Х., богатого местного землевладельца. Брак этот не был счастливым. После пяти лет совместной жизни госпожа Герувиль умерла, оставив мужу трехлетнего сына Ричарда.

Опасаясь за будущее ребенка и зная расточительные вкусы и привычки мужа, молодая женщина незадолго до смерти приняла законные меры для охранения своего имущества и назначила одним из опекунов Ричарда своего отца. Такое оскорбительное недоверие побудило в сердце Герувилля страшный гнев

и отдалило отца от ребенка, хотя малыш вовсе не был ни в чем виноват. Поэтому родитель несколько не был против того, чтобы мальчик воспитывался у своего деда по материнской линии.

До самой смерти графа Х. Ричард жил у него в имении на Волыни. За это время его отец был переведен в гвардию полковником и женился во второй раз – на Клеопатре Андреевне, которая родила ему второго сына, Ивана, сделавшегося с первой же минуты появления на свет кумиром всего семейства.

Ричарду было девять, а Ивану два года, когда первенец вернулся под отцовский кров, где был принят очень холодно. Клеопатра Андреевна внешне добросовестно исполняла материнские обязанности по отношению к мальчику, но в глубине души завидовала пасынку, обладавшему большим состоянием. Кроме того, будучи православной, она ненавидела в нем католика и поляка, как она оскорбительно называла его в интимных беседах.

Ричард рос серьезным, молчаливым и малообщительным мальчиком. Он никогда не подавал виду, насколько ему тяжело было видеть, как по-разному относились к нему и к его брату – тиранившему весь дом испорченному и избалованному ребенку, недостатками которого все семейство восхищалось, как самыми драгоценными качествами.

Окончив блистательно курс наук, Ричард Герувиль поступил на службу в Министерство иностранных дел и скоро сделался камер-юнкером. Что же касается Ивана, тщеславного и испорченного лестью домашних, то он с помощью многочисленных репетиторов с грехом пополам домучил курс в лицее. Однако же, несмотря на это, получил, благодаря связям отца, хорошо оплачиваемое место в Департаменте государственных имуществ.

В самый год этого назначения генерал Герувиль умер, оставив семью в тяжелом положении, поскольку, будучи до самой своей смерти расточителем, он растратил почти все состояние. Клеопатра Андреевна после этого должна была бы вести крайне скромную жизнь, что стеснило бы ее вкусы, если бы ей великодушно не помогал пасынок.

Так, он оставил в распоряжении мачехи прекрасную квартиру в своем доме на Английской набережной, где жил его отец по выходе в отставку. Здесь же поселились Иван и мать Клеопатры Андреевны, госпожа Антоновская.

Так как Ричард занимал в нижнем этаже этого же дома изящную холостяцкую квартиру, то он выразил желание обедать у мачехи, а того, что он платил за обеды, почти хватало на стол для всего семейства, полтора года назад увеличившегося после приезда Юлии Павловны с дочерью.

Юлия Павловна была дочерью младшей сестры Клеопатры Андреевны, уже давно умершей. Несмотря на красоту и кокетство, Юлии Павловне не удалось составить себе блестящей партии, и она вышла замуж за биржевого маклера, носившего фамилию Гольцман.

Гольцман, оказавшийся замешанным в каких-то подозрительных спекуляциях и странном банкротстве одного банка, счел за лучшее бежать от недоброжелательных взглядов правосудия. В один прекрасный день он исчез, бросив жену и дочь, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу.

Юлия Павловна, оставшаяся буквально на улице, нашла убежище у своей тетки. Жалобы последней на бремя, наложенное на нее содержанием целого семейства, которое так неожиданно свалилось ей на шею, до такой степени надоели Ричарду, что он согласился принять на свой счет все расходы по содержанию кухни и ее дочери.

Вопреки такому великодушному поведению, все семейство ненавидело Ричарда, а его скупость признавалась дамами как аксиома. Молодой человек знал это, но мало обращал внимание на мнение родственниц. В глубине души он презирал этих трех женщин – мелочных, неблагодарных, фривольных и злых. Брата Ивана он тоже не уважал, не одобряя его распущенную жизнь и бессовестный эгоизм. Тем не менее, и для него Ричард был хорошим братом, помогая в трудные минуты и тайно оплачивая долги, вследствие чего между молодыми людьми установились самые лучшие отношения.

В последнее время недоброжелательство трех женщин по отношению к Ричарду еще более увеличилось из-за наследства, доставшегося недавно молодому человеку после смерти одного родственника с материнской стороны. Это обстоятельство, по мнению Клеопатры Андреевны, должно было окончательно ополчить его.

Таково было положение дел в тот день, с которого начался наш рассказ.

Возвратившись из ресторана, где он обедал, Ричард нашел дома письмо от брата, в котором последний, не вдаваясь в подробности, все же объяснял свой поступок.

Иван писал, что Никифорова разочаровала его. Она была некрасива, вульгарна и глупа. Только по настоянию матери он стал ухаживать за этой дурой, не зная, как ему избавиться от обязательства в отношении своего семейства. Но Никифорова сама вывела его из затруднения. Она была настолько ослеплена княжеским титулом одного черкесского кавалера и его роскошной бородой, что наградила того своими миллионами и своей далеко не грациозной особой. Иван же познакомился с одной милой девушкой, которая до такой степени овладела его сердцем, что он решил на ней жениться. Все свершилось так быстро, что Иван венчался в тот же день, что и его экс-невеста Никифорова. О Ксении Тороповой Иван писал очень мало. Он упоминал только, что ей восемнадцать лет и что она сирота, не имеющая никакого состояния и воспитанная каким-то родственником.

Молодой человек знал, какой страшный гнев вызовет у матери неожиданный брак и с какою недоброжелательностью отнесутся родные к его жене, но все это нисколько не трогало его. Напротив, разрушение великих надежд матери и бабушки забавляло его и вызывало в нем чувство злобного самодовольства. Иван не был способен принести себя в жертву ради блага семейства и в своем безмерном эгоизме удовлетворял только личные вкусы и собственные фантазии.

Прочтя письмо брата, Ричард облокотился о бюро и задумался. Новая невестка внушала ему искреннюю симпатию и даже жалость. Что Иван женился на ней больше из досады, чем по любви, – было очень вероятно. Одно то, что он обвенчался одновременно с Никифоровой, выдавало его досаду и злость на изменившую ему богатую невесту. Желал ли он уколоть или оскорбить дерзкую миллионершу, осмелившуюся предпочесть ему какого-то горского князя, – это было трудно сказать, ведь Ричарду не были известны подробности интриги, разыгравшейся в Москве. Во всяком случае, Ксении выпала незавидная роль. Без сомнения, молодая девушка считает себя любимой и не подозревает, какая ненависть и презрение ожидают ее в семействе мужа. Не было ни малейшего сомнения, что Клеопатра Андреевна не постесняется приготовить ей какой-нибудь особенно оскорбительный прием. Со стороны же Ивана было крайне странно и неделикатно поселить жену за городом глубокой осенью, когда все дачи в окрестностях Петербурга давно пустуют.

– Очень интересно посмотреть, как вся эта история уладится, – пробормотал Ричард себе под нос, пряча письмо в бюро. – Молодые приедут послезавтра. После службы я съезжу к ним, и если молодая женщина действительно окажется наивной жертвой моего неотразимого братца, я постараюсь защитить ее от чрезмерного недоброжелательства Клеопатры Андреевны и грубой беззастенчивости Ивана.

Глава II

На одной из наименее посещаемых улиц Крестовского острова стояла небольшая дача, окруженная обширным садом. Дача была деревянная, одноэтажная и ничем не отличалась от многочисленных соседних зданий, предназначенных для дачной жизни столичных обывателей, желавших подышать более чистым воздухом, не слишком удаляясь от города, к которому их привязывали служебные занятия.

Эта маленькая дача принадлежала Ивану Герувиллю и была подарена ему Ричардом – подарок полезный и приятный, так как он давал молодому человеку убежище, где тот мог укрыться от навязчивой заботливости своей семьи, которая иногда невыразимо надоедала ему.

Здесь он мог давать шумные банкеты, не опасаясь выговоров и неуместного любопытства, принимать любовниц и жить сообразно своим вкусам вдали от всякого нескромного взора.

Клеопатра Андреевна, хоть и со скрытым неудовольствием, меблировала дачу с достаточным изяществом и вкусом, поэтому ее кумир мог, не краснея, принимать там дам.

На другой день по получении известия о браке Ивана, вызвавшем такое отчаяние всей семьи, маленький домик на Крестовском острове имел особенно печальный и заброшенный вид. Входные двери были широко раскрыты. На ступенях лестницы валялась солома, сено и клочки бумаги. На окнах не было занавесок, и внутри все казалось пустым и голым.

Было восемь часов утра. Погода стояла холодная и сырая, хотя дождя пока не было.

У входа стояли два человека. Один из них, в шерстяной красной вязаной фуфайке и с метлой в руках, был Яков, дворник и сторож дома, другого звали Иосиф. Он был лакеем Ивана; последний не взял его с собой в Москву, но теперь известил телеграммой, чтоб Иосиф ждал его на даче.

– Вот так история! Хороший прием для новобрачной, нечего сказать! И воображаю же я себе гнев Ивана Федоровича, когда он увидит, что дом пуст. Надо думать, хорошую сцену он устроил своей матушке! – с громким смехом сказал дворник.

Лакей пожал плечами.

– Что он взбесится – это верно, но уж не посмеет много возмущаться. Вся мебель принадлежит Клеопатре Андреевне. Она дала ее – и она же берет. На это она имеет полное право. Клеопатра Андреевна страшно раздражена, и пусть он остерегается даже приближаться к ней.

– Да из-за чего ж она так бесится? Разве невестка неподходящая?

– Черт ее знает, кто она такая! Все сладилось так быстро, что никто ничего и не знал до той самой минуты, когда пришла телеграмма с известием, что Иван Федорович обвенчался. Великий Боже! Что только произошло тогда, Яков, я просто не могу тебе рассказать! Сначала думали, что Клеопатра Андреевна сойдет с ума. Крики, истерика, судороги продолжались всю ночь, и никто в доме не сомкнул глаз. Наконец, она уснула и спала до пяти часов вечера. Но как только встала, тут же развила необыкновенную деятельность. Я получил приказание ехать с Дуней на Крестовский. Всю ночь мы провели за укладкой, так что, когда в шесть с половиной часов утра приехали ломовые, оставалось только уложить все на возы.

– Но как это она забыла взять кровать, ночной столик, кресло да часы? – спросил дворник.

– Ха! Ха! Ха! Она-то забыла? Нет, она оставила эти вещи потому, что они принадлежат Ивану Федоровичу. Ты еще не видел, Яков, как она убрала стены

гостиной, пока ты помогал ломовым извозчикам выносить вещи. Она развесила на них все фотографии, какие нашла в ящиках бюро, и все любовные письма и записки, полученные Иваном Федоровичем от разных дам. Те тоже, надо полагать, останутся очень довольны такой выставкой своих писем. Но смотри: вон едет карета! Неужели это уже наши господа приехали?

Наемная карета действительно остановилась перед дачей. Дворник поспешил открыть дверцу. Но вместо ожидаемых господ из кареты вышла молодая девушка, одетая в драповый жакет, с кружевной косынкой на голове. Карета была набита саками да картонками; все переднее сиденье было занято большой корзиной, обшитой клеенкой. На козлах, рядом с кучером, стоял большой сундук.

- Это дом господина Герувиля? - спросила приехавшая девушка.

- Да, да! Вы, вероятно, камеристка молодой госпожи? - ответил Иосиф, любезно помогая молодой девушке вынимать из кареты картонки.

- Вы угадали: я - камеристка, Дарья, - сказала девушка и с кокетством прибавила: - Антиповна... А вы, вероятно, Иосиф, камердинер барина? Будьте добры, прикажите внести вещи в гардеробную. Барыня приедет в одиннадцать часов, и я должна все приготовить к ее приезду.

Пока Дарья расплачивалась с кучером, Яков с Иосифом внесли все вещи в первую комнату. Они ставили у стены последнюю картонку, когда вошла камеристка и, пораженная, остановилась на пороге.

- Боже мой! Да здесь все пусто... Нет ни одного стула... Я перепачкаю все свои юбки в такой конюшне!

И Дарья с отвращением подняла свои юбки с тем ловким расчетом, чтобы показать полосатые чулки и кожаные башмаки с высокими каблуками.

- Боже! Что за княжеские ножки у вас! Понятно, они сотворены не для того, чтобы ходить по такой грязи! - вскричал Иосиф, бывший большим любителем прекрасного пола. - Позвольте мне проводить вас в мою комнату. Там вы снимете свой жакет и откушаете чашку кофию.

– Охотно, – с любезной улыбкой ответила Дарья, проходя на цыпочках через гостиную.

Видя, что следующая комната была так же пуста и грязна, а в третьей, дверь которой была широко открыта, ничего не было, кроме кровати без подушек и одеяла, ночного столика да кожаного кресла, опрокинутого вверх ножками, девица снова остановилась и вскричала, всплеснув руками:

– Нет, это просто неслыханно! Где же барыня будет спать? Где же она сядет? Здесь нет ни одного стула, ни одного стола... Где же я буду разбирать вещи?.. Не понимаю, как барину могло прийти в голову везти сюда свою молодую жену! Послушать его, так здесь ждало ее очень комфортабельное помещение!

– Оно и было таким еще вчера, но сегодня утром матушка Ивана Федоровича все увезла отсюда. Это целая история! Если хотите, я расскажу вам. Но пойдете – у меня ничего не взято.

Иосиф провел камеристку по длинному коридору и открыл в конце его дверь, ведущую в довольно большую комнату, вид которой составлял приятный контраст с опустошенной дачей. На окнах висели белые перкалевые занавески, усеянные розами; чехлы из той же материи закрывали кресло и маленькую кушетку, стоявшую у стены. У противоположной стены стояла кровать, покрытая пикейным одеялом, и большой комод, служивший в то же время туалетом: на вышитом полотенце стояли зеркало, бутылочка одеколona и коробка рисовой пудры, лежали гребешки и щетки. Все эти вещи своим изяществом указывали на то, что раньше они служили барину. Меблировку комнаты довершали небольшой шкаф, стол, три соломенных стула и несколько олеографий.

– У вас здесь очень мило! По сравнению с тем пустым сараем – это настоящий дворец, – объявила Дарья.

Она сняла жакет и, достав из картонки передник, отделанный маленькими гофрированными воланами, и миленький белый чепчик, стала надевать их перед зеркалом. Она вроде бы готовилась к встрече своей барыни, но в действительности хотела ослепить Иосифа, который очень понравился ей и чью любезность она начинала все более и более ценить.

– Душитесь, душитесь, Дарья Антиповна, а я пока все приготовлю, – сказал Иосиф.

С этими словами он ловко вытащил из-под кровати большую корзину, в которой оказались самовар, никелевый кофейник, хлебница, сахарница, чашки и множество других вещей, которые невозможно было сразу разглядеть.

– Все это я спас от старой мегеры, – объявил он, ставя на стол кофейник и две чашки. – Сейчас мы напьемся кофию. Я только схожу за печеньем.

– Давайте я приготовлю кофе! Я умею прекрасно варить его.

– Отлично! Вот спиртовка, спички, а кофий... гм, кофе, – поправился Иосиф, – там, в жестянке.

Слуга взял шляпу и вышел. Когда он вернулся, кофе уже кипел на элегантной машинке, и комнату наполнял приятный аромат.

– Позвольте мне, Дарья Антиповна, поздравить вас с приездом и предложить вам эти цветы. Пусть они предвещают вам веселую жизнь в этом доме! – сказал Иосиф, подавая с ловким поклоном букет из астр и георгин, который он, очевидно, только что нарвал в саду.

Слегка смущенная Дарья сделала реверанс, поблагодарила Иосифа и, для поддержания собственного достоинства, стала разливать кофе. Минуту спустя они мирно беседовали за чашкой чудного напитка. На столе кроме сухарей красовались великолепные ванильные бисквиты, тоже спасенные от разгрома.

Иосиф подробно рассказал про скандал, вызванный женитьбой его барина. Затем, он в свою очередь, осведомился, какова из себя молодая, как велико ее состояние и при каких обстоятельствах состоялся этот брак.

– Я не знаю всех подробностей, так как поступила в услужение к барышне Ксении Александровне всего за неделю до ее свадьбы по рекомендации моей тетки. Она служит кухаркой у старого родственника барыни, который воспитал ее. Но я могу сказать по совести, что барыня очень красива и, по-видимому, очень добра. Насколько мне известно, у нее нет никакого состояния и она

круглая сирота... Боже мой! Это господа приехали! – вскричала Дарья, вскакивая со стула и бросаясь в коридор.

Иосиф последовал за ней.

Приближаясь к гостиной, они услышали грубоватый голос Якова и другой, звучный и раздраженный, звавший лакея.

На пороге пустой гостиной стоял высокий молодой человек лет двадцати семи, очень смуглый, с правильными чертами лица. Иван Герувиль был действительно очень красив, но в эту минуту его делали безобразным гнев и крайнее удивление. Лицо его было красно, большие черные глаза будто стремились из орбит. Рукой, затянутой в перчатку, он потрясал тростью с золотым набалдашником, причем его жесты ясно показывали, что он ищет, на кого бы обрушить свой гнев.

За ним, настолько же бледная, насколько он был красен, стояла молодая женщина среднего роста, одетая в дорожный костюм из зеленого драпа. Большая шляпа а-ля Рембрандт красовалась на ее голове, русые волосы вились на лбу, а большие серые глаза с ужасом блуждали по пустой грязной комнате.

– Что это значит?! Куда девалась мебель?! Мой дом разграбили, а ты даже не позаботился уведомить меня об этом! – крикнул Иван Федорович, как только появился Иосиф в сопровождении Дарьи.

Лакей с первого же взгляда понял, что все бешенство барина обрушится на его бедную голову, если он быстро не отобьет его от себя.

– Никто ничего не грабил, барин! Это ваша матушка приехала сюда вчера вечером и все уложила, а сегодня утром увезла мебель и остальные вещи. Она сказала мне, что действует так по вашему приказанию; мне же сказала дожидаться вас здесь. Я предполагал, что мне придется сопровождать вас в гостиницу, – ответил Иосиф.

Иван Федорович не перебивал его. При имени матери румянец его сменился страшной бледностью. Опустив голову и нервно кусая губы, он, казалось, больше не слушал Иосифа.

Вдруг он повернулся к жене и сказал:

– Здесь произошло какое-то глупое недоразумение, но я сейчас устрою это. Подожди меня, дорогая, здесь; я скоро вернусь.

И без всяких дальнейших объяснений он почти выбежал из дома и вскочил в карету. Мгновение спустя послышался грохот уезжавшего экипажа.

С минуту Ксения Александровна стояла, как изваяние, не зная, что ей делать. Затем она нерешительно подошла к окну и села на подоконник. У нее кружилась голова. Она бессознательно отложила в сторону небольшой плюшевый сак и провела по глазам слегка дрожавшей рукой.

Смущенные и расстроенные Иосиф и Дарья стояли в стороне, не смея приблизиться. Немного подумав, они тихо вышли из комнаты и оставили дверь открытой, чтобы слышать, если их позовут. Что же касается Якова, то он уже давно ушел.

Прошло более полутора часов, а Иван Федорович все еще не возвращался. В доме царила мертвая тишина. Даже слуги, чувствуя напряженность обстановки, говорили вполголоса.

– Нет, так поступать нельзя! Теперь я вижу, что барин не любит свою жену, – пробормотала, наконец, Дарья. – Разве оставляют человека, которого любят и жалеют, в такой конюшне, где даже нет стула, чтобы присесть!

– Действительно, он мог бы ее отвезти пока в гостиницу. Я, положительно, не понимаю, что такое случилось с ним? Никогда ни с одной из своих любовниц он не был так нелюбезен, – так же тихо ответил Иосиф.

– Сегодня так холодно, что бедная барыня, должно быть, просто замерзла. Вам надо бы затопить печку, а я, наверное, сниму с барыни шляпу, – сказала Дарья после некоторого молчания.

– Это правда! Я сейчас затоплю в маленькой комнатке с балконом, а потом принесу из спальни кресло. Это все-таки будет удобнее, чем сидеть на подоконнике.

И камердинер, охваченный внезапным усердием, побежал за дровами.

Скоро в печке уже пылал яркий огонь, а кресло Иосиф поставил прямо перед нею. Когда все это было сделано, Дарья вошла в гостиную, где Ксения Александровна по-прежнему сидела на окне все в той же позе, в какой они ее оставили.

– Позвольте, барыня, снять с вас шляпу и перчатки, – робко сказала камеристка.

Молодая женщина вздрогнула и выпрямилась, точно ее разбудили от глубокого сна, но ничего не ответила, хоть и не протестовала, когда Дарья вытащила длинные шпильки, придерживавшие шляпу, и сняла с ее заледеневших рук перчатки. Так же машинально она встала и прошла в соседнюю комнату, где весело потрескивали в печке дрова. Вдруг ее взгляд, равнодушно блуждавший по бессовестно оголенной комнате, остановился на письмах и фотографических карточках, развешанных на стене. Ксения Александровна остановилась; после минутного колебания подошла к стене и стала рассматривать оригинальную коллекцию. Темный румянец разлился по ее лицу, но почти тотчас же сменился смертельной бледностью. Быстро отвернувшись, молодая женщина прошла в смежную комнату и села в кресло.

Дарья укутала барыню большой шалью, а ноги ее закрыла пледом. Потом она предложила ей выпить чашку горячего кофе или чаю, но Ксения Александровна отказалась и объявила, что она не голодна.

В душе молодой женщины бушевала буря, и только гордость и присутствие слуг дали ей силы сдерживать слезы, которые горячим потоком подступали к ее горлу. Гнев и негодование, точно клещами, сжимали ее сердце.

Ксения Александровна откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза.

Мало-помалу возбуждение молодой женщины сменилось невыразимой горечью, глубоким отчаянием и убеждением, что она сделала непоправимую ошибку, добровольно осудив себя на ужасное будущее, которое стояло сейчас перед ее мысленным взором подобно мрачному кошмару. Ее сердце сдавили страшная тоска и страх полного одиночества. Как в калейдоскопе, проходила перед ней ее прошлая жизнь, уже испытанная несчастьями.

Ксении было всего семь лет, когда она лишилась отца и матери: родители умерли от дифтерита. Одна старая небогатая родственница взяла к себе осиротевшего ребенка, но от нее девочка видела мало хорошего, и годы, проведенные у нее, были самыми тяжелыми в жизни Ксении. После смерти этой родственницы сиротка снова осталась без крова. Опекун уже хотел отдать ее в какой-то приют, как вдруг неожиданно явился старший кузен ее отца и объявил, что берет к себе девочку в качестве приемной дочери.

С этого дня для Ксении наконец-то началась спокойная жизнь в уединенном, но комфортабельном доме ее нового покровителя. Леону Леоновичу Рудакову было около шестидесяти лет. Это был мрачный и малообщительный человек, прошлое которого было окружено какой-то тайной. В ранней молодости он служил военным, но потом неожиданно вышел в отставку по неизвестной никому причине, продал свое прекрасное имение близ Москвы и уехал в путешествие, продолжавшееся около двадцати лет. Вернувшись так же неожиданно, как и уехал, Рудаков поселился на окраине столицы и стал вести жизнь затворника, никуда не выезжая и почти никого не принимая у себя. Никто не знал, где он жил в свое долгое отсутствие и чем занимался; никому также не было известно, как велико его состояние. Он жил просто, но комфортно, занимался астрономией и химией, покупал массу книг и инструментов – вот все, что знали о нем.

Леон Леонович случайно узнал о судьбе Ксении, отца которой знал еще юношей, и тотчас же объявил, что берет на себя заботу о ее будущем. Привязался ли он к девочке за то долгое время, что она прожила под его кровлей, – этого не знал никто, даже сама Ксения. Приемный отец был добр, но никогда не выказывал к ней нежности. Зато он внимательно следил за ее воспитанием, не позволяя ей, однако, посещать общественные учебные заведения. Уроки ей давали профессора и пожилая гувернантка-немка, ходившая за нею до самого дня ее замужества.

Ксения росла в этой строгой, печальной и уединенной обстановке, не зная света и его безумств, и из нее вышла умная, серьезная и по натуре энергичная девушка.

С Иваном Федоровичем Ксения познакомилась случайно – у одного старого друга приемного отца, у которого они иногда бывали вдвоем и который был близким родственником той самой Никифоровой, пресловутой невесты молодого Герувиля.

Анна Михайловна Никифорова была достойной представительницей современного общества. Довольно красивая, но вульгарная, без всяких принципов, бессовестная кокетка, она смотрела на брак как на простую формальность, необходимую для приобретения полной свободы.

К странной затворнице, Ксении Александровне, она питала глубокое презрение. Ее строгие принципы и безукоризненную честность она считала отжившими принципами и предсказывала ей, что с ее смешными убеждениями девушка будет очень несчастна в жизни и, конечно, останется старой девой.

Иван Федорович очень нравился Анне Михайловне, но по его состоянию и общественному положению она не считала его вполне достойным трех миллионов, какие она должна была внести в супружескую жизнь. Тем не менее она поощряла его ухаживание, кокетничала с ним и была увлечена, что, впрочем, не помешало ей принять предложение черкесского князя.

С титулом княгини можно было играть гораздо большую роль в свете, чем в качестве простой госпожи Герувиль. Но поскольку после свадьбы Анна Михайловна предполагала жить в Петербурге, то ничто, как она рассчитывала, не помешало бы ей быть счастливою с очаровательным Иваном Федоровичем и без стеснительных уз, налагаемых церковью. Что она заведет себе любовника и что любовник этот будет блистать в свете – это была вещь бесповоротно решенная. Одного только не предусмотрела Анна Михайловна: что Иван Федорович так близко к сердцу примет свою неудачу и что он немедленно же отомстит ей и даст понять, что коль уж она не пожелала сделать его своим мужем, то и он не хочет иметь ее своей любовницей. Прежде даже, чем было объявлено о ее обручении с князем, Иван Федорович отвернулся от нее и все внимание перенес на Ксению.

На последнюю красивый и любезный Герувиль произвел глубокое впечатление, однако Ксения Александровна была слишком чиста и скромна, чтобы стараться понравиться ему или пытаться увлечь его, тем более что была убеждена, что ему нравится Анна.

Посещая очень редко Никифоровых, Ксения и не подозревала, какие интриги разыгрываются вокруг нее, и ее наивное сердце было полно невыразимого счастья, когда Иван Федорович говорил о своей любви к ней. Очевидно, он любил ее. Могла ли она сомневаться в этом, когда он сделал ей предложение? Ведь не выбирают же в подруги жизни существо, к которому равнодушны!

К тому же она была бедна, следовательно, здесь не мог быть замешан никакой интерес.

Поэтому Ксения, с доверием и любовью, с сердцем, полным признательности и надежды на счастье, приняла предложение Ивана Федоровича и согласилась, по его настоянию, обвенчаться через три недели. Жених объяснил, что только желание родных побуждало его ухаживать за Анной Михайловной, но как только он увидел Ксению, решил, что именно она, и никто другая, будет его женой. Молодой человек прибавил, что во избежание лишних переговоров с бабушкой и старшим братом, которые были немного алчны, он напишет им только после свадьбы. Что же касается его матери, самой лучшей и любящей из женщин, то она примет ее с распростертыми объятиями. Ксения поверила его словам и обещала употребить все усилия, чтобы завоевать сердце будущей свекрови.

Леон Леонович был гораздо менее доволен выбором своей приемной дочери и сделал ей несколько серьезных замечаний относительно неосторожности вступать в брак с человеком, которого она так мало знает и чье прошлое ей совершенно не известно. Но молодая девушка любила, а любовь, как известно, слепа. Поэтому она умоляла своего покровителя не препятствовать ее счастью.

– Я не имею ни права, ни желания мешать браку, которого ты так горячо желаешь, – с обычной сдержанностью ответил на это Леон Леонович. – Только я считаю своим долгом предупредить тебя, что не могу дать за тобой денег и должен ограничиться приличным приданым. Впрочем, я сам скажу об этом твоему будущему мужу, так как он, может быть, не знает этого.

– Нет, я сама говорила ему, что я сирота и не имею ничего, но он ответил, что у него есть на что содержать жену и что он ничего не требует от меня, – объяснила смущенная Ксения.

– Тем лучше! Такое бескорыстие делает ему честь и служит хорошим предвестником счастья.

Приданое, полученное молодой девушкой, было очень обильно и изящно. Кроме того, утром, в самый день свадьбы, Леон Леонович вручил приемной дочери пятьсот рублей на мелкие расходы.

– Чтобы тебе не пришлось с первого же дня обращаться к мужу из-за всяких пустяков, – прибавил ее опекун.

Причины, побудившие Ивана Федоровича вступить в этот брак, были весьма разнообразны. Прежде всего, Ксения очень нравилась ему своей наружностью и крайне интересовала его своим характером, сдержанными манерами, девственной чистотой и безупречной добродетелью. Такой тип женщины был для него нов и непонятен. Из целого ряда дам и барышень, пользовавшихся его благосклонностью, он не знал ни одной, с которой мог бы поговорить о чем-нибудь другом, кроме любви и пикантных скандальчиков. Все его дамы обладали необыкновенной опытностью в отношении любовных связей. Покорить их было гораздо легче, чем защищаться от их же атак.

Тщеславный молодой человек без лишних переживаний удовлетворялся легкими победами, но в случае женитьбы на одной из таких женщин он считал необходимым взять за ней весьма солидное приданое, причем в золоте. Обладая холодной и в то же время страстной натурой, эгоист до мозга костей, Иван Федорович хотел беззаботно наслаждаться, если ему нравилась женщина (о любви речь не шла, так как он никого не любил), не обращая внимания на то, была ли она свободна или замужем, но сам он ни в коем случае не желал быть жертвой закона возмездия: одна только мысль, что женщина, носящая его имя, наставит ему рога, как он сам наставлял другим, приводила его в бешенство. Это и было отчасти причиной того, что в двадцать семь лет он оставался все еще свободным.

Громадное состояние Никифоровой ослепило его, жадность заставила умолкнуть все другие соображения. Однако он решил дать ей почувствовать свою власть и сурово научить ее исполнять свои обязанности, если бы она вздумала изменить ему. Таким образом, все же случившаяся измена Анны Михайловны привела его в бешенство, причем гордость его страдала намного больше, чем алчность. Полный злобы и ненависти, Иван Федорович стал ухаживать за Ксенией, внутренне радуясь едва скрываемому бешенству Анны, отлично понявшей его намерения.

Убедившись, что прекрасная и чистая девушка любит его, Иван Федорович решил жениться на ней, а не обольстить, как предполагал раньше. Кроме того, молодой человек скоро убедился, что первое намерение его не имело никаких шансов на успех. Ксения не допускала даже мысли о возможности фривольной любовной интриги, и ее безусловная честность в итоге произвела на Ивана столь

глубокое впечатление, что, наконец, у него появилось желание назвать ее своей женой. Именно такую жену ему и нужно было. Робкая и нежная, привыкшая к тихой уединенной жизни, она охотно удовлетворится ведением хозяйства и воспитанием детей, а значит, не будет стеснять его в той разгульной жизни, какую он решил продолжать, поскольку не способен довольствоваться скукой семейного очага. Правда, последний он считал очень удобной крепостью, в которой мог бы укрываться от слишком страстных подруг.

С такой программой будущей семейной жизни он и шел к алтарю. Гнев и ревность Анны Михайловны, а также наивная любовь Ксении забавляли его и льстили ему. Разочарование, досада и удивление родных заранее возбуждали в нем чувство насмешливого самодовольства. Впрочем, следует прибавить, что он никак не предвидел, что его мать в припадке ярости дойдет до крайности.

Но пора нам вернуться к бедной Ксении Александровне, которая все еще продолжала задумчиво сидеть в кресле. Все сцены прошлой жизни, описанные нами, проходили перед ее мысленным взором, но на этот раз были освещены новым светом. В часы одиночества и тишины в этой пустой и мрачной комнате умерло наивное, доверчивое и слепое дитя, еще накануне с радостной надеждою шедшее к алтарю и благоговейно принявшее обручальное кольцо как символ любви и верности. Из обломков внутреннего «я» возродилась женщина с истерзанным сердцем и прояснившимся взглядом. Она без милосердия отбросила все добродетели и хорошие качества, которыми ее воображение наделило мужа, и все иллюзии, какие питала относительно семейного будущего. Обручальное кольцо, блестящее на пальце, было для нее теперь только первым звеном длинной цепи обид, измен и всевозможных огорчений, если... она не найдет средства каким-то образом разбить эту цепь.

Ксения Александровна до такой степени была поглощена своими воспоминаниями, планами и размышлениями, что не услышала, как у дачи остановился экипаж.

Было около пяти с половиной часов и уже спускались сумерки, а Ивана Федоровича все еще не было. Иосиф каждые пять минут выбегал на улицу посмотреть, не едет ли барин, о поведении которого не знал что и думать. Заметив приближающийся экипаж, лакей бросился ему навстречу, но почти тотчас же узнал лошадей Ричарда Федоровича. Вероятно, барин попросил карету у брата, чтобы съездить за женой?

Как только экипаж остановился, Иосиф поспешил открыть дверцу, но в карете сидел только один Ричард, рядом с ним на сиденье находились великолепный букет и большая бонбоньерка.

– Ну что, Иосиф? Приехали наши молодые? Так отчего же у вас темно? – спросил молодой человек, ловко выпрыгивая из экипажа.

– Ах, барин! Если бы вы только знали, что здесь случилось! – расстроено ответил ему Иосиф.

В нескольких словах лакей сообщил Ричарду, что Клеопатра Андреевна увезла всю мебель и что его барин тотчас же по приезде уехал в город, обещав вернуться через час.

– Но вот прошло уже шесть часов, а барина все нет! У бедной барыни с самого утра ни крошки не было во рту. Я просто не знаю, что мне делать. На чем она будет спать?!

Ричард слушал его, нахмутив брови. К своей мачехе он никогда не питал особенного уважения, но все же не считал ее настолько мелочной и злой. Что же касается брата, то в этом случае он выказал весь свой грубый эгоизм. Однако Ричард все же находил одно возможное извинение для Ивана. Он знал, что у того нет денег: по всей вероятности, не застав Ричарда в министерстве, брат метался теперь по всему Петербургу, стараясь каким угодно способом достать средства. Помимо этого, бурная сцена, которую он уже неизбежно имел с матерью, тоже должна была отнять немало времени. Тем не менее, даже этих обстоятельств было недостаточно, чтобы оправдать Ивана в его возмутительном пренебрежении к молодой жене.

– Проводи меня к барыне! – отрывисто приказал Ричард. – Цветы же и бонбоньерку оставь пока в карете.

На пороге комнаты, в которой находилась Ксения, Ричард остановился и с любопытством стал вглядываться в молодую женщину, очевидно, не обратившую никакого внимания на шум шагов. Откинувшись в кресле, она смотрела на ярко пылавшее в печи пламя, освещавшее ее красноватым светом. То и дело переменявшееся выражение ее маленького бледного личика и больших глаз, то горевших огнем, то затуманенных слезами, ясно указывало,

какая буря бушевала в ее душе.

Ричард с восхищением и участием смотрел на Ксению. Она была очаровательна, и поведение Ивана становилось для него еще загадочнее.

После минутного созерцания Ричард направился к молодой женщине. На этот раз Ксения услышала мужские шаги, не похожие на шаги лакея, и, подумав, что это вернулся муж, быстро выпрямилась. Увидев же какого-то незнакомого мужчину, она встала и смерила его мрачным взглядом, который яснее всяких слов спрашивал: «Кто ты? Что тебе от меня нужно?»

– Позвольте мне, Ксения Александровна, представиться вам: я ваш зять, Ричард Герувиль. В то же время позвольте мне выразить мое участие и крайнее удивление, что я нахожу вас в таком странном, чтобы не сказать более, положении, – сказал Ричард, поднося к губам руку молодой женщины.

При звуке приятного голоса и под добрым и теплым взглядом, устремленным на нее, Ксения сразу почувствовала облегчение.

– Объясните мне, что все это значит? Я вижу только одно: родные мужа предубеждены против меня, если встречают меня таким оскорблением! – вскричала Ксения дрожащим от слез голосом.

– Будьте добры, исключите меня, когда говорите о недоброжелательстве вашей новой родни. Впрочем, будучи сыном от первого брака отца, я вовсе не принадлежу к семейству своего брата, – с улыбкой ответил ей Ричард. – Главное же, дорогая невестка, не приходите в отчаяние от таких пустяков. В таком большом городе очень легко исправить следы разгрома, произведенного моей мачехой. Я сейчас распоряжусь об этом и надеюсь, что через два часа мы с вами будем сидеть за ужином, поджидая Ивана.

При имени мужа выражение презрения и ненависти искривило губы Ксении. Ричард заметил это, но не подал вида. Он позвал Иосифа, который тотчас же явился на зов.

– Осталась ли в доме хоть одна бутылка моего вина или мачеха опустошила и погреб, как дом?

– Нет, здесь осталось еще двадцать бутылок старого венгерского вина.

– Отлично! Принеси тотчас же бутылку токайского и два стакана, если они найдутся.

Прошло не более пяти минут, которые Ричард употребил на то, чтобы принести цветы и конфеты, как Иосиф явился с бутылкой и стаканами. Гость разлил вино и, подняв свой стакан, весело сказал:

– За ваше здоровье и нашу дружбу!

С грустной улыбкой Ксения сделала несколько глотков и поблагодарила молодого человека за любезность. Ричард весело отклонил всякую благодарность за такие пустяки. Затем он простился с молодой женщиной, обещав вернуться самое большее через два часа.

Сев в карету, Герувиль приказал ехать к ближайшему мебельному магазину. Городовой указал ему на большой магазин, торговавший и новой, и подержанной мебелью. Через полчаса Ричард уже выбрал полную обстановку для гостиной, будуара, столовой, спальни и прихожей. Он ничего не забыл: ни ламп, ни зеркал, ни драпировок для дверей и окон, ни даже часов. Молодой человек приказал тотчас же доставить все эти вещи по указанному адресу, причем распорядился, чтобы взяли несколько фургонов, чтобы доставить все как можно скорее. Затем он приобрел чайный сервиз и немного посуды. Кроме того, заехал в ресторан и заказал полный ужин, который тоже приказал доставить на дачу. Покончив со всем этим, он поспешил вернуться к своей невестке.

«Право, очень любопытно знать, вернулся ли наш несравненный Иван Федорович или же он совершенно забыл, что женат и что для приема жены у него в доме нет ни стула, ни корки хлеба, – подумал Ричард, садясь в карету. – Нет, Иван положительно невозможен! Я, конечно, не помог бы ему, если бы мне не было жаль этого бедного ребенка. Но за каким чертом он женился? Нельзя допустить, что он сделал это только для того, чтобы доставить себе развлечение на несколько недель, а между тем любимую женщину ведь не бросают в таком положении».

Когда Ричард приехал, фургоны уже разгружались, а в гостиной раздавался звонкий и гармоничный голос Ксении, которая распоряжалась развешиванием

зеркал.

Увидев Ричарда, Ксения Александровна бросилась ему навстречу.

– Как мне благодарить вас, Ричард Федорович? Вы так добры и так великодушны ко мне! Вы совсем другой, чем...

Молодая женщина умолкла, и несколько горячих и горьких слез скатились с ее длинных ресниц.

– Право, не стоит делать столько шума из-за пустяков! – весело ответил Ричард. – Вполне естественно, что в качестве старшего брата я исправляю глупости младшего. Теперь же, Ксения Александровна, позвольте мне помочь вам. Я займусь гостиной и столовой, а вы – будуаром и спальней. Так как моя мачеха великодушно оставила нам крючки, то легко будет все развесить, и когда прибудет ужин, ваша квартира будет вполне готова.

И действительно гораздо скорее, чем можно было ожидать, вся мебель была расставлена, а лампы, зеркала и бра развешаны по местам. Комнаты вымели и осветили, все печи затопили. Точно по какому-то волшебству пустой, грязный и пыльный сарай превратился в веселый и изящный загородный дом.

– Завтра я пришлю жардиньерки и цветы, и тогда ваши комнаты примут вполне комфортабельный вид, – сказал Ричард, довольным взглядом окидывая будуарную мебель, обитую серым атласом. – Надеюсь, что мне удалось угодить вашему вкусу, дорогая невестка, так как все, что вы видите здесь, принадлежит исключительно вам. Это мой свадебный подарок, который я прошу вас принять от меня, как от друга и близкого родственника.

Ксения покраснела.

– Благодарю вас от всего сердца! Конечно, я не колебалась бы принять ваш подарок, как бы богат он ни был, если бы рассчитывала жить здесь. Но после всего случившегося сегодня я убедилась, что являюсь здесь совершенно лишней, и мое достоинство не позволяет мне оставаться членом семьи, так оскорбительно принимающей меня. Я объяснюсь с Иваном Федоровичем, как только ему будет угодно вернуться, а потом уеду обратно в Москву. Хотя, к моему несчастью, я не послушалась мудрых советов моего приемного отца,

надеюсь, он не откажет дать мне убежище под своим кровом, пока я подыщу себе какое-нибудь занятие.

Ричард слушал ее, не перебивая. Когда же она умолкла, дрожа от волнения, он покачал головой и, усадив молодую женщину на маленький диван, начал разговор дружески-серьезным тоном:

– Выслушайте спокойно то, что я считаю своим долгом сказать вам, Ксения Александровна. Надо остерегаться быстрых решений, внушенных раздражением, как бы оно ни было справедливо. Скандал устроить недолго, но трудно все исправить после. Притом в делах подобного рода всегда больше всего страдает репутация женщины. Кроме того, Иван имеет на вас права, признать которые он вас заставит хотя бы из упрямства или из чувства противоречия, если узнает, что вы хотите оставить его. Не будьте же таких дурных чувств! Допустим, что вам удастся уехать. Что будут говорить в Москве по поводу вашего возвращения через сорок восемь часов после свадьбы? Будьте уверены, на ваш счет станут ходить самые неблагоприятные слухи. Позвольте мне еще прибавить, что брак – союз слишком священный, чтобы разрывать его при первом же разочаровании. Дело сделано, Ксения Александровна, и его теперь не поправишь. Все еще может устроиться по-хорошему, и прежде чем осуждать Ивана, подождем его и узнаем, что послужило причиной такой задержки.

Ксения молча выслушала деверя. Лицо ее поражало страшной бледностью, а глаза были смиренно опущены. Тем не менее она поняла, что Ричард Федорович прав и что петлю, которую она надела себе на шею, не так-то легко снять.

Известие, что привезли ужин, прервало тягостное молчание, воцарившееся в комнате. Ричард тотчас же поднялся с дивана.

– Я пойду распоряжусь, чтоб Иосиф накрывал стол, а вы пока перемените костюм: это дорожное платье очень неудобно, – весело сказал он, зовя Иосифа.

Не отвечая ни слова, Ксения прошла в спальню, вполне приведенную в порядок Дарьей, развившей невероятную деятельность. Здесь справедливо будет заметить, что Ричард произвел на камеристку громадное впечатление той быстротой, с какой он преобразил разгромленную дачу. А трехрублевая

бумажка, сунутая им в руку, довела усердие Дарьи до апогея.

На туалете были расставлены флаконы и другие серебряные и хрустальные безделушки, а на столе горела лампа с розовым абажуром, погружавшая комнату в приятный полумрак.

Прежде чем снять дорожное платье, Ксения вынула из кармана пакет с фотографиями и любовными записками, с горечью снятые ею до этого со стены, и заперла его в туалетный ящик. Затем она надела плюшевый пеньюар с широким кружевным воротником, который чудно шел ей, и вышла в гостиную, где Ричард дожидался ее, куря сигару.

Выражение восхищения вспыхнуло в глазах молодого человека при виде Ксении, у которой волнение и смущение вызвали румянец на щеках и лихорадочный блеск в глазах. Он никак не думал, что избранница брата так прекрасна.

Но не успели молодые люди обменяться и словом, как дверь с шумом распахнулась и Иван Федорович, стремительно влетев в комнату, крепко сжал Ричарда в своих объятиях.

– Единственный друг!.. Несравненный брат!.. Как благодарить тебя за то, что ты сделал? Будто какой-то волшебник, ты превратил пустыню в очаровательный дворец. Ах! Если бы ты знал, сколько у меня было забот, сколько я попусту объездил домов и сколько перенес неприятностей, тебя просто бросило бы в дрожь. Уф!

Он в изнеможении упал на стул.

– Я весь разбит! Я думал, что у меня разольется желчь! Ехал сюда за моей бедной Ксенией, чтоб отвезти ее в гостиницу, – и вдруг нахожу здесь такой чудный сюрприз!

Иван Федорович быстро вскочил со стула, сжал Ксению в своих объятиях и громко поцеловал ее в обе щеки.

Молодая женщина не сопротивлялась поцелуям, но и не отвечала на них. Не обратив на это ни малейшего внимания, Иван Федорович, к которому уже

вернулось хорошее расположение духа, обернулся к брату, нарезавшему пирог, и стал осыпать свою семью целым градом малопочтительных титулов. Он до такой степени был взбешен поступком матери, что юмористический тон, которым он говорил о бабушке и Юлии, переходил в желчный, как только он упоминал имя Клеопатры Андреевны. Однако прекрасный ужин окончательно ободрил его. Молодой человек сделался разговорчив и полон любезного внимания к жене, а когда Ричард выпил за здоровье молодых, Иван ответил громким «ура!» в честь щедрейшего и великодушнейшего из братьев, бывших и будущих.

Вечер прошел гораздо веселее, чем можно было ожидать. Даже Ксения утратила печальный и страдальческий вид. Убеждение, что в этой новой, враждебной ей семье у нее есть друг и защитник, вернуло ей спокойствие и доверие к людям. Глубокая признательность звучала в ее голосе и светилась в прекрасных глазах, когда она прощалась с Ричардом и еще раз благодарила его за все, что он сделал для нее.

Молодой человек с улыбкой отклонял от себя всякую благодарность, обещал скоро вернуться и, наконец, попросил Ивана Федоровича пройти с ним на минутку в кабинет, так как ему нужно было поговорить с ним о деле.

Как только молодые люди остались одни, Ричард спросил Ивана Федоровича:

– Есть у тебя деньги на расход по дому? Я предчувствую, что ты без гроша.

– Твое предчувствие не обманывает тебя. Я много истратил на свадьбу и на дорогу, что, впрочем, само собой понятно, а двадцатое еще далеко. У меня осталось двадцать пять рублей, и с этими деньгами Ксении придется вести наше хозяйство в течение двух недель, до получения мною жалованья. Это послужит ей прекрасным случаем доказать свои экономические способности, я же, со своей стороны, буду очень умеренным, – со смехом ответил неисправимый повеса.

– И тебе не будет стыдно требовать подобной вещи от жены, и это при твоей требовательности в отношении кулинарного искусства? Или, может быть, ты желаешь, чтобы она срамила тебя, одалживая по всем лавкам? – неодобрительно спросил Ричард.

Иван Федорович на минуту смутился, а потом вскричал:

– Боже мой! Как трагически ты все принимаешь! Что же я могу сделать при таких плачевных обстоятельствах?

– Прежде подумать, а потом уже делать. Впрочем, никакие замечания не облегчат в данную минуту твоего положения.

Ричард достал бумажник и, вынув из него пятьсот рублей разными купюрами, отдал их брату.

– Возьми, Ваня! Из этих денег сейчас же отдай жене триста рублей на хозяйство. Она молода и неопытна, и ее, без сомнения, будут обкрадывать. Просить же у тебя денег она будет стесняться, что еще больше обострит ваши отношения, чего ты можешь избежать, не заставляя ее считать каждый грош.

Приятно удивленный, Иван обнял брата, горячо поцеловал его и заметил:

– Я с радостью вижу, что моя маленькая Ксения сумела заслужить твое расположение. Не правда ли, она очень мила?

– Она очаровательна. Но я должен предупредить тебя, Иван, что сегодняшние события произвели на твою жену самое худое впечатление. Новые оскорбления со стороны твоей матери могут стоить тебе любви Ксении. Я считаю твою жену натурой гордой, чуткой и энергичной – она не позволит оскорблять себя безнаказанно. Кстати, раз мы одни, расскажи мне о своем объяснении с Клеопатрой Андреевной по поводу ее невозможного поступка. Я сам уже два дня не обедаю дома, чтобы избежать содома и гоморры, царящих там.

– Не говори мне о ней! У нас вышла такая сцена, что я не скоро пойду к ней. Я думал, что три фурии разорвут меня на части, как будто я не мог жениться, на ком хочу. Клянусь тебе, Ричард, что эти три старые юбки составляют несчастье моей жизни! Несправедливые, неблагодарные, алчные и ненасытные, они всегда стараются поссорить меня с тобою. Они смеют называть тебя скупым, когда сами живут за твой счет! Право, они заслуживают, чтобы ты закрыл для них свой кошелек и переселил бы их в другую, менее роскошную, квартиру. За твое доброе предупреждение относительно Ксении я, со своей стороны, предупреждаю тебя, что Юлия лелеет мысль сделать тебя своим любовником.

Я понял это и забавлялся, давая ей понять, что ты не так глуп, чтобы попасть в ее сети.

– О, в этом отношении ты можешь быть спокоен. Я слишком уважаю Юлию Павловну, чтобы когда-нибудь поставить ее в такое двусмысленное положение, – с насмешливой улыбкой ответил Ричард, прощаясь.

Уже когда он сидел один в карете, быстро мчавшей его домой, то почувствовал в сердце какую-то грусть и пустоту. Ему невольно приходили в голову все события сегодняшнего вечера, внушая невыразимую жалость и участие к невестке.

Будущее Ксении казалось ему мрачным и печальным. Он знал изменчивый и непостоянный характер брата, а Клеопатра Андреевна предоставила такое доказательство своей ненависти к невестке, что нетрудно было предвидеть, сколькими булавочными уколами и всевозможными оскорблениями она будет осыпать молодую женщину.

«Чем-то все это кончится? Как разделается Иван со своей Каролиной? – думал Ричард, рассеянно проводя рукой по лбу. – Перед отъездом в Москву он занял у меня восемьсот рублей, чтобы отправить ее в Крым якобы лечиться от нервного расстройства; на самом же деле, чтобы избавиться от нее на время свадьбы с Никифоровой. Воображаю себе ярость Каролины, когда по возвращении она найдет его женатым! Скандал выйдет страшный, тем более что у нее есть мальчик от Ивана. Кроме того, она уехала вторично беременной. Во всяком случае, она заставит его хорошо заплатить себе. Надо будет как-нибудь на днях поговорить об этом с Иваном, хотя эта особа, без сомнения, вернется не раньше октября».

Экипаж остановился, прервав размышления Ричарда. Молодой человек чувствовал себя страшно утомленным и, добравшись до своей спальни, тотчас же лег в постель.

Но рассказ старого камердинера перед сном дал новое направление его мыслям. Старик поведал ему об ужасной сцене между Иваном Федоровичем и его матерью, вследствие которой Клеопатра Андреевна три раза падала в обморок и грозила выколоть глаза невестке. В бешенстве она дала даже несколько хороших тумаков Анастаси, которая некстати подвернулась ей под руку. Это

обстоятельство вызвало общую ссору, и Юлия посылала даже за господином как за беспристрастным судьей, но, к счастью, барина не было дома.

Ричард немедленно решил избавиться себя от всякого участия в ссорах трех дам. Он хотел только попробовать образумить Клеопатру Андреевну и убедить ее установить более приемлемые отношения с невесткой. Думая о том, что он скажет мачехе завтра, молодой человек наконец заснул.

На следующий день, однако же, Ричарду не удалось привести в исполнение свои примирительные планы. Когда он, как обычно, вышел к обеду, он увидел только Юлию и бабушку. Обе отмалчивались и имели надутый вид.

Глава III

Прошло несколько дней. Ричард, сам не отдавая себе отчета почему, воздерживался от посещения новобрачных, но много думал о них и ежедневно покупал для невестки дорогие вещи, так как ничто не казалось ему достаточно красивым и изящным для Ксении. Таким образом, он приобрел для нее великолепные цветы, множество изящных жардиньерок, чудные французские и японские безделушки, целую библиотеку современных и классических книг, серого и красного попугаев и прекрасное пианино.

Спустя неделю после бурного вечера в день приезда молодых Ричард получил записку от Ксении. Молодая женщина благодарила его за многочисленные подарки и заканчивала послание вопросом, когда же, наконец, он приедет к ним и даст ей возможность пожать руку такому великодушному родственнику и другу. День был праздничный. Ричарду не надо было ехать на службу, и он решил тотчас же отправиться к брату, который тоже должен был находиться дома. Молодой человек приказал запрягать лошадей и уехал, увозя с собой очень маленькую болонку, величиной с кулак – ее он купил накануне и хотел подарить своей невестке.

Маленький дачный домик теперь имел необыкновенно аккуратный и изящный вид. Тротуар около дома был тщательно выметен, медная дощечка на двери сверкала, как золото, и на всех окнах, уставленных цветами, висели тюлевые занавески. Тщательно вычищенные фонари у подъезда горели на солнце.

Внутреннее убранство комнат тоже производило приятное впечатление. Гостиная с плюшевой мебелью, жардиньерками, уставленными цветами, и этажерками, обилующими дорогими безделушками, могла служить образцом изящества и комфорта.

Ричард окинул комнату довольным взглядом. Такое приятное превращение было делом его рук. Отчего не в его силах устранить так же легко тени, омрачающие будущее молодого очаровательного создания, которому он создал это роскошное убежище!

В эту минуту на пороге соседней комнаты появилась Ксения. На щеках ее горел румянец, глаза блестели. С улыбкой на губах она подбежала к молодому человеку и протянула ему обе руки.

– Ричард Федорович! Где я найду слова поблагодарить вас за вашу доброту и великодушие ко мне? – взволнованно воскликнула она.

– Ваши добрые слова вознаграждают меня больше, чем заслуживает та безделица, которую я имел счастье предложить вам, – ответил Ричард, целуя руку молодой женщины.

Затем, отдав ей собачку, он прибавил с улыбкой:

– Примите, дорогая сестрица, этого негодного зверька! Пусть он развлекает вас в часы вашего одиночества. Мне помнится, вы говорили, что любите животных.

– О, благодарю вас! Да, я очень люблю животных, а такую собачку мне уже давно хотелось иметь, – восторженно ответила Ксения, прижимая собачку к своей бархатистой щеке.

Молодая женщина тотчас позвала Дашу. Только накормив собаку хлебом с молоком и устроив ее в корзине, она снова вернулась к деверю и с оживлением предложила ему осмотреть дом, приведенный теперь в окончательный порядок. Не перестававший наблюдать за ней Ричард тотчас же согласился. Он только спросил:

– А где Иван? Не спит ли он еще?

Лицо Ксении сразу омрачилось. Отстраненно она сообщила, что ее муж уже уехал и вернется только к обеду.

Не сделав более никакого замечания, Ричард последовал за невесткой. Он осматривал и хвалил убранство столовой, Иванова кабинета, спальни и даже кухни и комнаты Даши.

– Я буду сполна злоупотреблять вашим терпением, ведь создатель этого дома – вы, значит, должны видеть его во всех подробностях, – с улыбкой заметила Ксения, вводя молодого человека в свой будуар.

Это была небольшая комната, вся розовая, залитая солнечным светом. Здесь же стояла клетка попугая. Очевидно, эта комната была любимым убежищем молодой женщины.

– Я могу признать за собой только звание поставщика, вся же заслуга убранства принадлежит вам, – весело ответил Ричард. – Право, даже жаль, что вы употребили столько труда на убранство временного помещения. Давно уже пора вернуться в город. Я приехал именно с целью предложить вам квартиру в моем доме на Литейном, которая скоро освобождается.

– Вы, Ричард Федорович, олицетворенная доброта! Но скажу вам откровенно, я предпочитаю провести зиму здесь, подальше от родни моего мужа, внушающей мне настоящее отвращение. Они выказали ко мне такую ненависть, что чем дальше я буду от них, тем лучше буду себя чувствовать.

– Я вполне понимаю это чувство. Но вы и в городе можете так же не видеться с ними, как и здесь. Жить всю зиму в таком пустынном месте невозможно!

Ксения вздохнула.

– Можно и среди многолюдного города быть более одинокой, чем в лесной глуши, – грустно ответила она.

– Вы правы, Ксения Александровна: все зависит от обстоятельств. Только, по моему мнению, не следует с самого же начала терять мужество. По большей части мы сами создаем себе хорошие или дурные условия, окружающие нас.

С терпением, благоразумием и истинной любовью можно преодолеть много препятствий, созданных старыми привычками. Да, дурными, сознаюсь, – но они могут быть в конце концов уничтожены. Кто любит, тот борется за свое счастье. Боритесь и вы, дорогая сестра, и будьте уверены, что найдете счастье. Но в тяжелые минуты не забывайте, что у вас есть друг и брат, у которого вы всегда найдете поддержку и совет.

Ксения ответила одним только признательным взглядом. В эту минуту вошла Даша и доложила, что завтрак подан. Молодая женщина тотчас же приняла на себя новую роль – хозяйки дома. Слегка краснея, она предложила Ричарду позавтракать с ней и провела его в столовую. Здесь она с таким радушием стала угощать гостя, что, видно, забыла обо всех остальных тревогах и заботах.

Завтрак делал честь молодой хозяйке: он был изыскан и хорошо приготовлен. Ричард ел с аппетитом и не скупился на похвалы, и Ксения все более и более приходила в хорошее расположение духа. Она смеялась и говорила с таким оживлением, какого молодой человек еще не замечал за ней.

Был подан чай, когда внимание молодых людей привлек шум горячего спора. Грубый бас дворника и пронзительный тенор Иосифа смешивались с женским голосом, бешеные рулады которого моментами покрывали все остальные. Затем раздался такой сильный и продолжительный звонок, что даже стекла задребезжали. Через столовую пробежала Даша с раскрасневшимся лицом. Раздраженные голоса слышались уже у входной двери.

– Боже мой! Что там случилось? – сказала Ксения, вставая и с беспокойством подходя к окну.

В это мгновение дверь в гостиную с шумом распахнулась, и в комнату ворвалась какая-то женщина. Увидев Ксению, она бросилась к ней и смерила ее пылающим взглядом.

Столь шумно и нахально вторгшаяся в дом особа была молодой, лет двадцати семи, стройной и смуглой, с большими черными глазами и роскошными волосами такого же цвета. На ней было черное платье, его дополняли плюшевая жакетка и большая шляпа с пером. Черты ее довольно красивого лица были обезображены злостью и яростью. Женщина раскраснелась, ее рот искривился. Рука, в которой она держала лорнет с длинной ручкой на золотой цепочке,

сильно дрожала.

– А! Вот та негодяйка, которая заняла мое место и которую Жан окружил такой роскошью, тогда как не считает нужным даже заплатить акушерке за мои роды! – выкрикнула она, окинув бешеным взглядом Ксению и комнату. – Только вы ошибаетесь, сударыня, если думаете, что я вам уступлю свое место! Я имею священные права! У меня есть двое детей от него, и я буду защищать их права против всякой новой любовницы!.. А теперь дайте мне дорогу! Я не верю в отсутствие Жана. Он прячется. Я хочу поговорить с ним.

Онемев, бледная, как ее кружевной воротник, Ксения потрясенно слушала слова незнакомки.

Лицо же Ричарда, напротив, вспыхнуло, налившись гневом, и, быстро выступив вперед, он отчеканил холодным и суровым тоном:

– Сударыня! Вы находитесь в доме законной супруги Ивана Герувиля. Вы должны понять, что вам нечего искать здесь и что ни мне, его брату, ни госпоже Герувиль нисколько не интересно знать, какие права имеете вы на Ивана. Честь имею кланяться!.. Иосиф! Проводи барыню.

Слова и взгляд молодого человека, видимо, подействовали, наконец, на незнакомку и сразу убедили ее, что любовник действительно женился, чему она раньше, похоже, отказывалась верить. С ней сделался новый припадок ярости. Хрипло вскрикнув, она упала в кресло, стала топтать ногами и кричать сквозь конвульсивные рыдания:

– Разбойник!.. Похититель женской чести!.. Вор, который осмелился жениться, погубив меня и украв у своих несчастных детей принадлежащее им имя!..

Но Ричард не дал ей времени на истерику. В два шага он очутился у кресла и энергичным движением заставил незнакомку встать.

– Потрудитесь, сударыня, избрать другое место, а не гостиную моей невестки для ваших жалоб и причитаний! Ищите, где вам будет угодно, своего героя, который, очевидно, окончательно покончил с прошлым, если не счел даже нужным предупредить вас о том, что женился.

– Этот злодей отправил меня в Крым!.. Но я отплачу ему за это!

– Как вам будет угодно! Только не здесь. Недостает только, чтобы все бывшие любовницы и незаконные дети атаковали законную жену в ее собственном доме. Иосиф! Выведи ее!.. Пойдемте, Ксения Александровна!

Ричард схватил за руку молодую женщину, которая так и продолжала стоять неподвижно, точно каменная, увлек ее в столовую и запер за собой дверь. Дрожа, точно в лихорадке, бледная, как смерть, молодая женщина села у окна и закрыла лицо руками, невольно продолжая боязливо прислушиваться к тому, что происходило в соседней комнате.

– О! Разбойничье гнездо!.. Достойный брат этого каторжника, осмеливающийся оскорблять обворованную беззащитную женщину! – продолжала вопить незваная гостья.

Наконец, Иосиф счел нужным показать и свою власть.

– Уходите, уходите, Каролина Карловна! Успокойтесь и ступайте с Богом! Криком ничему не поможешь – все кончено: барин женился. Я вам не советую шутить с Ричардом Федоровичем. Он способен позвать городского, чтоб вывел вас, если вы не перестанете скандалить.

Последний аргумент возымел надлежащее действие. Каролина Карловна замолчала и, как ураган, вынеслась из дома, в ярости нарочно немилосердно хлопая дверями.

Ричард тоже прислушивался к разговору Иосифа с Каролиной Карловной. Когда стало понятно, что неприятная визитерша, наконец, ушла, он обернулся к невестке. Увидев ее позу, полную отчаяния, и нервную дрожь, потрясавшую все ее тело, молодой человек схватил ее за руку и вскричал:

– Боже мой! Разве можно, Ксения Александровна, так трагически воспринимать такой пустячный случай?

– Вы называете пустячным случаем такой неслыханный скандал?! Любовница мужа оскорбляет меня в моем собственном доме, причем, в некотором роде,

имеет на это право, так как я действительно являюсь причиной того, что человек, от которого она родила двоих детей, не может на ней жениться! – с гневом вскричала Ксения.

Ричард так громко и весело рассмеялся, что молодая женщина с недоумением посмотрела на него – она ожидала совсем иной реакции.

– Ваши слова – слова ребенка, неопытного в жизни. Успокойте свою совесть: вы не имеете отношения к неудаче этой дамы. Она надоела Ивану – вот и все! Что же касается детей, то это вопрос, который очень трудно выяснить. Что она пользуется детьми, чтобы выманить у брата более значительную сумму, – вещь весьма понятная; также вполне естественно, что она смотрит на законную жену Ивана, как на своего личного врага. Только вам-то нет причин до такой степени расстраиваться.

– Но я не могу иначе! Доказательство того, что Иван настолько распущенный человек, возмущает меня.

– Послушайте, Ксения Александровна! Вы теперь женщина замужняя и должны понимать, что в прошлом всякого молодого мужчины есть тайные связи. Когда же имеешь неосторожность... – Ричард улыбнулся, – выйти замуж за такого красивого молодого человека, как Иван, надо быть вдвойне снисходительной. Беззастенчивые женщины нашего времени бегают за ним и не брезгают никакими способами обольщения, чтобы только завлечь его. Эта женщина, так бесстыдно выставляющая свой позор перед слугами, без сомнения, какая-нибудь куртизанка по ремеслу. Как только ей удастся вытянуть у Ивана все, что только можно вытянуть угрозами, она будет искать себе новую жертву, которая бы платила за ее туалеты и удовольствия. Сегодняшний же скандал имеет ту хорошую сторону, что она не может больше пугать Ивана тем, что откроет вам эту тайную связь, и он скорее избавится от этой грязи.

Спокойные и рассудительные слова деверя немного уменьшили лихорадочное раздражение, бушевавшее в душе Ксении. Силясь улыбнуться, она протянула Ричарду руку, и тот ее с трогательной нежностью поцеловал. Затем, посмотрев на часы, молодой человек сказал:

– Мне пора ехать. В восемь часов я опять буду у вас. Будьте добры, передайте Ивану, чтобы он ждал меня, так как мне нужно поговорить с ним о деле.

– Хорошо! Только о том, что случилось сегодня, я не скажу ни слова; мне это тяжело, – пробормотала Ксения, нервно теребя бант пояса.

– О, конечно! Я вполне понимаю ваши чувства, – ответил Ричард с примирительной улыбкой. А уже выходя из комнаты и прощаясь с невесткой теплым взглядом, он прибавил: – Я требую от вас только одного: успокойтесь, дабы при моем возвращении я не видел у вас распухших глаз и такого погребального вида.

Глава IV

Оставшись одна, Ксения заперлась в своей комнате и горько расплакалась. Возбужденные нервы ее долго не успокаивались, и только очень большим усилием воли ей удалось вернуть себе наружное спокойствие. Молодая женщина только успела вымыть опухшее от слез лицо холодной водой, как Даша подала ей письмо.

Все еще печальная и усталая Ксения села к столу и вскрыла конверт. Письмо было от ее приемного отца. В присущей ему спокойной и дружеской, но сдержанной манере Леон Леонович просил приемную дочь чаще писать ему и откровенно сообщать обо всех впечатлениях и подробностях своей новой жизни.

«Ты не можешь сомневаться в том участии, какое я принимаю во всем, что касается тебя. Может быть, мои советы и мой жизненный опыт иногда будут тебе полезны. Я хотел бы ошибаться, но по различным причинам боюсь, что множество туч будет омрачать твою супружескую жизнь. Итак, помни, что я всегда готов помочь тебе и защитить по мере моих сил».

Со вздохом облегчения Ксения сложила письмо. Добрые слова приемного отца вернули ей спокойствие. Теперь она чувствовала себя уже не такой одинокой. У нее всегда будет убежище, где она сможет укрыться, если жизнь здесь сделается невыносимой, и друг, который поможет ей создать собственным трудом независимое положение.

Час спустя вернулся Иван Федорович. Он был в отвратительнейшем расположении духа. Небрежно поцеловав жену и заметив собачку, которую та держала на коленях, он с досадой сказал:

- Что за собака? Где ты достала эту дрянь?

- Мне привез ее сегодня утром Ричард Федорович.

- Право, у Ричарда иногда бывают странные фантазии! Не хочешь ли ты завести здесь целый зверинец? Попугай, собака... Недостает еще только обезьяны!

- Если ты недоволен, то я могу попросить твоего брата забрать собаку. Кстати, он хотел приехать в восемь часов и просил тебя подождать его. Ему нужно поговорить с тобой о каком-то деле.

- Хорошо, я подожду его. Возвращать же обратно уже принятый подарок не следует. Только прошу тебя: позаботься, чтобы это животное не вертелось у меня под ногами, когда я дома.

По окончании обеда Иван Федорович объявил, что пойдет немного отдохнуть до приезда брата. Ксения же ушла в будуар и стала играть с собачкой. В ней начал просыпаться дух возмущения и оппозиции против эгоистичного человека, допускавшего развлечения исключительно для себя.

Когда приехал Ричард, Ксения читала с таким спокойным видом, что молодой человек не мог удержаться, чтобы не сказать:

- Bravo, Ксения Александровна! Я вижу, что мои советы не пропали даром. Но где же Иван? Иосиф сказал мне, что он дома.

- Он спит, - насмешливо ответила Ксения. - Мой муж еще ничего не знает о выходке своей красавицы. Он очень недоволен вашим подарком - собакой, и сделал мне строгий выговор.

- Правда? Но Жуж? пользуется вашим расположением! Смотрите, как она спит у вас на коленях. Я скажу своему братцу, что собака моя и что я только отдал ее вам на воспитание. В таких пустяках он не захочет отказать мне. А пока до

свидания! Пойду тревожить сон вашего мужа.

Иван Федорович, очевидно, только дремал, так как при появлении старшего брата тотчас же приподнялся и спросил недовольно, о каком деле тот хочет говорить с ним. Тон и фигура его ясно доказывали, что он все еще пребывает в дурном расположении духа. Он употреблял все усилия, чтобы не показать этого Ричарду, но тут раздался визг собаки, и этот пустяк тут же стал для него поводом показать свое раздражение.

– Ах, Ричард! Что за мысль явилась у тебя привести это отвратительное животное? Оно постоянно лежит на коленях Ксении, и кончится тем, что перепачкает мне мебель и портьеры.

– Не раздражайся из-за пустяков! Мебель и все остальное, касающееся меблировки дома, принадлежит твоей жене. Это мой свадебный подарок ей. А так как Жужу принадлежит мне, то я считаю себя ответственным за всякий вред, какой она может причинить моей невестке, и, конечно, исправлю его. Но я приехал поговорить с тобой о более важном деле. Скажи мне, тебе известно, где находится в настоящую минуту госпожа Брейтнагель? Видел ли ты ее после своей свадьбы?

Лицо Ивана Федоровича, слегка омрачившееся при заявлении брата, что все в доме принадлежит Ксении, при этом вопросе омрачилось еще больше.

– Я ее не видел, но знаю, что она приехала из Ялты, так как бомбардирует меня письмами и извещает, что родила мальчика, происхождение которого великодушно приписывает мне. Понятно, я ей ничего не отвечал.

– И ты поступил неосмотрительно. Каролина Карловна – женщина далеко не робкого десятка. Сегодня утром она приезжала сюда и устроила скандал твоей жене, третируя ее, как негодяйку, отнявшую у нее любовника. Я, право, удивляюсь, как ты до свадьбы не покончил с этой грязной историей!

Темный румянец залил лицо Ивана Федоровича, и он, вскочив с дивана, с гневом вскричал:

– Как! Эта каналья, эта посетительница всех кабаков, осмелилась явиться сюда? Погоди же! Я научу ее быть сдержаннее и не повторять подобных вещей. Как же

Ксения мне ничего не сказала?

– Я нахожу это вполне естественным. По-моему, тоже не совсем удобно молодой жене говорить мужу: мол, в твое отсутствие приезжала твоя любовница и учинила мне скандал.

Дрожа от ярости, Иван Федорович стал поспешно одеваться.

– Я сейчас же поеду к этой дряни и укажу ей ее место! – рычал он.

Ричард покачал головой.

– К чему ехать сегодня и притом еще под влиянием гнева? Ты должен хладнокровно и серьезно объясниться с этой женщиной и выдать ей известную сумму.

– Ничего я ей не дам! У меня нет лишних денег, чтобы платить всем негодяйкам, цепляющимся за меня. Пусть она докажет, что я отец этих детей! Ее одновременно со мной посещало немало мужчин, так что этот вопрос остается весьма сомнительным.

– Неужели ты хочешь довести до суда такое грязное дело? Ты, право, не думаешь о том, что говоришь! Но если ты уже решил ехать сейчас, то я поеду с тобой. Мое присутствие удержит госпожу Брейтнагель от чрезмерных претензий.

Иван Федорович, ни минуты не колеблясь, принял это предложение. Он предчувствовал, что присутствие брата при разговоре с Каролиной повлечет за собой весьма выгодный для него шаг – скорее всего, Ричард возьмет на себя вознаграждение его любовницы.

В одну минуту он уже был одет и прошел в будуар проститься с Ксенией.

С легким смущением он подошел к молодой женщине и поцеловал ее, обещая скоро вернуться. Ксения не сказала ни слова, не возвратила поцелуя и даже не взглянула на мужа. Зато она так сильно пожала руку Ричарду и наградила его таким теплым и полным признательности взглядом, что в сердце Ивана

Федоровича шевельнулась было ревность, но он тотчас же убедил себя, что Ксения хотела только посердить его из-за испытанной ею обиды.

После отъезда обоих мужчин Ксения переоделась в пеньюар, причесалась на ночь и хотела заняться чтением. Но ее мучило какое-то смутное беспокойство. Отложив книгу, она позвала Дашу и при ее помощи занялась разбором большого ящика с хрусталем, полученного накануне от приемного отца в дополнение к приданому.

Когда все было разобрано и убрано, Ксения немного успокоилась. Она села к бюро и начала писать письмо Леону Леоновичу, в котором благодарила его и описывала все случившееся с ней за это время. С полной откровенностью она живописала невероятный прием, устроенный ей матерью мужа, свое разочарование в муже и горькое сожаление, что не послушалась мудрых советов своего покровителя.

«Я до такой степени наказана, что надеюсь, что вы сжалитесь надо мной и, если мне понадобится убежище, позвольте укрыться под вашей кровлей, пока мне удастся трудом создать себе независимое положение» – так закончила она письмо.

Молодая женщина готовилась заклеить конверт и надписать адрес, когда ее внимание было привлечено грохотом нескольких экипажей в обыкновенно такой пустынной и молчаливой улице. Экипажи, казалось, остановились у их дома. Минуту спустя раздался звонок в дворницкую, а затем послышался смутный гул голосов. Даша, бледная, как смерть, стремительно пробежала через столовую в переднюю и открыла входную дверь.

Обеспокоенная и взволнованная Ксения направилась в гостиную, но вдруг, как парализованная, остановилась на пороге столовой. В дверях показалась группа мужчин, несших какой-то длинный сверток. Их сопровождал Ричард, не перестававший повторять:

– Тише, тише!.. Здесь порог... Идите осторожнее и несите прямо в спальню!

Когда все вошли в переднюю, Ксения увидела, что несли человека, завернутого в плащ; голова его была бессильно откинута назад. Мгновение спустя она узнала Ивана Федоровича и заметила, что из-под плаща выглядывает окровавленное

белье.

Женщина почувствовала, что ноги ее подкашиваются. Темное облако застило ей глаза, а из сдавленного горла не вышло ни звука. Она зашаталась и инстинктивно ухватилась за дверной косяк, чтобы не упасть.

В эту минуту вошел Ричард. Он позвал Дашу и приказал ей поддерживать голову раненого. Затем, подойдя к Ксении, он подхватил ее под локоть и усадил в кресло.

- Он умер? - пробормотала Ксения.

- Нет, он только в обмороке вследствие потери крови. Мы надеемся, что его состояние не представляет никакой опасности. Те два господина - доктора, которых я привез с собой. Все подробности я сообщу вам после; теперь же мне необходимо идти к раненому.

Ксения машинально последовала за ним и стала в ногах постели, на которую положили Ивана Федоровича, все еще не приходившего в сознание. Темная голова молодого человека отчетливо вырисовывалась на подушках, резко выделяя смертельную бледность его лица.

Один из докторов начал при помощи Иосифа разрезать одежду на раненом.

- Уходите, дорогая сестрица! Сейчас приступят к перевязке, а это зрелище вовсе не для вас, - дружеским голосом сказал Ричард.

Ксения послушно позволила себя увести. Она бессильно опустилась в кресло и слышала, как крикнули:

- Даша! Принесите теплой воды и белье!

Затем послышался крик и глухие стоны. Ксения закрыла глаза и заткнула уши. Каждый нерв трепетал в ней. Через полчаса, которые показались молодой женщине вечностью, дверь открылась и из спальни вышел Ричард. Он был немного разгорячен.

– Я несу вам хорошие новости, Ксения Александровна! – сказал он, садясь рядом с ней и потирая лоб. – Обе пули извлечены: одна задела в бок, другая в плечо. Поскольку ни один из внутренних органов не поврежден, то доктора обещают нам быстрое выздоровление... Но вот и они! Как только они напишут рецепты и уедут, я приду к вам и сделаю подробное донесение обо всем случившемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kryzhanovskaya-rochester_vera/golgofa-zhenschiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)